

— Как звать?

— Мао Сяофэй, — парень напрягся и выпрямился, стараясь не выдать отсутствие одного из нижних зубов.

— Откуда родом?

— Из города Шаннань.

Раздался шорох — писарь, высокий и тощий солдат, принялся перелистывать белоснежные страницы реестра. Он недоверчиво осмотрел Мао Сяофэя с головы до ног, после чего снова пролистал список в обратном направлении и с грохотом захлопнул книгу.

— В списках нашего лагеря значатся все до единого. Тебя здесь нет. Можешь проваливать на все четыре стороны.

На душе у Мао Сяофэя мгновенно заскребли кошки, но тут же мелькнула и радость. Хорошо, конечно, что не придётся мыкать горе в этой глуши. Да только как отсюда выбраться? Кругом одни горы, а с его плачевным чувством направления он и до конца дней своих дорогу к людям не отыщет.

— Да вы поглядите повнимательнее, вдруг пропустили... — не успел он договорить, как угрюмый вид солдата заставил его замолчать.

Повесив нос, Мао Сяофэй поплёлся вон из палатки.

Снаружи тянулась длинная очередь новобранцев. Если внутри царило гробовое молчание, то на улице вовсю шумели и переговаривались. Стоило Мао Сяофэю показаться на пороге, как на него мельком взглянули и тут же отвернулись, будто его и не было вовсе.

У самых ворот лагеря его окликнул офицер. На голове у того красовался тяжёлый шлем, а рука покоилась на рукояти меча. Командир смерил Мао Сяофэя цепким взглядом, и расторопные подчинённые тут же преградили парню путь.

— Из какого отряда? Что за вид? Почему не в форме, да ещё и с пожитками? В дезертиры заделаться решил, паршивец?

— Я... я ещё не записался, — пробормотал Мао Сяофэй.

В такие переделки он прежде не попадал. Всю жизнь ошивался при господских домах да усадьбах на побегушках. Из-за вечного недоедания в детстве лицо у него отливало нездоровой бледностью, выдавая в нём того, кого обычно бьют, а не того, кто бьёт сам.

— Не записался? А как тогда сюда добрёл? От безделья, что ли, решил по горам пошастать?

Делать нечего. Мао Сяофэй полез за пазуху и со смущением протянул деревянный жетон:

— Отец велел явиться сюда с этим. Извозчик, который меня вёз, уже уехал, а я ума не приложу, что делать.

Ему было до смерти неловко, но мысль о том, что придётся пешком ковылять по дремучей чаще и наверняка заплутать, заставила его переступить через гордость.

— Нельзя ли... выделить пару солдат, чтобы они проводили меня вниз?

Офицер посмотрел на него недобро, но быстро взял себя в руки и сухо приказал:

— А ну, дай сюда.

Это была простая деревянная плашка с вырезанным именем Мао Сяофэя, окаймлённым узором. Он уже успел её рассмотреть вдоль и поперёк — это был жетон с орхидеей. Каков в нём прок, он понятия не имел.

«Ишь ты, богачи из Цинси! Каждому встречному-поперечному новобранцу именной жетон выдают. В Шанци такое только у дворцовой стражи встретишь»

— Кто там списки проверял? — хмыкнул офицер. — Ослепли совсем. Точно помню, что ты должен быть. А ну, за мной. К слову, про отца твоего... Сколько ему лет-то? Он хоть старше тебя будет?

Офицер сам же и рассмеялся собственной шутке.

Мао Сяофэй стоял растерянный, совершенно ничего не понимая от столь крутого поворота событий. Пройдя пару шагов, командир обернулся и уже строго приказал:

— Чего застыл? Шагом марш!

Так и началась его служба.

Офицер, только что преграждавший ему путь у ворот, беспрепятственно притащил его обратно к тощему писарю. На лице того не осталось и следа от прежнего высокомерия и сомнений. Если бы не уродливая волосатая бородавка под нижней губой, Мао Сяофэй решил бы, что перед ним совсем другой человек.

Получив уставную форму, он вышел под открытое небо, бережно прижимая к груди охапку грубой ткани. В этот миг над горами поднималось утреннее солнце, заливая мир тёплым золотым светом. Мао Сяофэй заворожённо смотрел вдаль, и ему казалось, что это рассветное тепло разгорается прямо у него в груди.

Поселили его в казарме на общих нарах — по двадцать человек в ряд, где даже повернуться с боку на бок было великим трудом. За полдня праздных разговоров Мао Сяофэй уяснил две вещи. Во-первых, воевать сюда шли одни бедняки да бродяги, продавшие себя в солдаты от беспросветной нужды. Во-вторых, на дворе стояла поздняя осень, и между Цинси и Шанци действовало временное перемирие — на крепостных стенах висели белые флаги.

Слева от Мао Сяофэя устроился круглолицый, пухлый добряк, а справа — парень весьма приличного вида в поношенном, но чисто выстиранном тёмно-синем халате.

Толстяка звали Сюй Цю.

— Зови меня просто А-Ци. Или Сюй Ци, — представился сосед справа.

— Ого! Твоя фамилия Сюй, а моя — Сюй! Почти тёзки, вот уж судьба так судьба, — затараторил толстяк, отчего его пухлые щёки забавно затряслись.

В тесноте общих нар Мао Сяофэй быстро смекнул, что засыпать лучше под боком у толстяка — от того исходило приятное тепло, да и бок у него был мягким, как перина. К ночи вход в казарму заваливали камнями, оставляя лишь узкий проход, завешенный тяжёлым пологом из бычьей шкуры, который то и дело завывал от порывов ветра.

Первую ночь Мао Сяофэй не сомкнул глаз. Каким бы бесправной «княгиней-консортом» он ни был в своей прошлой жизни, тамошний приют казался теперь райскими кущами по сравнению с этим гиблым местом.

На следующее утро он проспал.

В огромной палатке не осталось ни души. В панике вскочив на ноги, Мао Сяофэй наспех натянул форму. Снаружи едва брезжил рассвет, но от громоподобных криков тренирующихся солдат уже содрогалась земля.

К вечеру измотанный Мао Сяофэй с привязанными к ногам тяжёлыми мешками с песком наконец закончил назначенную ему в наказание многовёрстную пробежку. Он без сил рухнул прямо в пыль. Солдат, надзиравший за ним, сплюнул и бросил напоследок:

— Помощник генерала Лю велел передать: если завтра опоздаешь хоть на миг, пойдёшь под трибунал.

Перед глазами Мао Сяофэяплыли кровавые круги. Изголодавшийся за день без крошки во рту, он чувствовал себя выжатым как лимон.

С трудом согнувшись, он развязал верёвки и с остервенением отшвырнул мешки прочь. Багровое солнце медленно тонуло за горным хребтом, и на душе у Мао Сяофэя становилось так же темно и холодно.

Время ужина давно истекло. Ковыляя на неслушающихся, налитых свинцом ногах к себе в казарму, Мао Сяофэй уловил косые, выжидающие взгляды сокамерников. Стоило ему поднять голову, как все тут же зашевелились, усердно делая вид, будто страшно заняты своими делами — кто ковырял в ногтях, кто листал засаленные книжонки с картинками.

Мао Сяофэй обессиленно повалился на свои нары, но из темноты прохода неожиданно высунулась чья-то нога. Он с размаху полетел на пол, приземлившись прямым на мягкое брюхо Сюй Цю. Не успей он вовремя уклониться, они бы точно столкнулись губами.

Зажав рот ладонью, разгневанный Мао Сяофэй вскочил на ноги:

— Да вы что творите?!

— Жить надоело — ложись, — раздался тихий голос Сюй Ци.

Только теперь Мао Сяофэй разглядел своё постеленное серое одеяло. На рваной вате копошились полчища жутких тварей: сколопендры, скорпионы и ещё десяток неопознанных чёрных гадов поменьше. В глазах у него потемнело, к горлу подкатила дурнота.

— Кто это сделал? — Мао Сяофэй задрожал от ярости, обводя взглядом притихшее сборище. Ни один человек не шелохнулся, никто не проронил ни слова и даже не посмотрел в его сторону.

— Чьих это рук дело?! — сорвался он на крик.

— Чего разорался? Спать пора! Или завтра вместо плаца на свидание собрался? — донеслось из угла.

Тут же раздался дружный гогот. Не дожидаясь отбоя, солдаты один за другим повалились на нары, натягивая одеяла до самого носа.

— Да брось ты... — буркнул Сюй Цю, забиваясь в угол. У этого толстяка было золотое правило: если можно лежать, незачем сидеть.

— Давай вытряхнем это дерьмо. Я помогу, — Сюй Ци поднялся, решительно скомкал

загаженное одеяло и потащил его к выходу, увлекая Мао Сяофэя за собой.

Мао Сяофэй шёл следом, сжав кулаки до побеления костяшек. Каждый шаг до порога давался ему с огромным трудом.

Сюй Ци тащил его за рукав до самого пустыря у тренировочного поля и только там отпустил.

— Отойди подальше, не хватай заразу.

Мао Сяофэй стоял как громом поражённый. В голове роились нехорошие подозрения. Почему его имени изначально не оказалось в списках? И с какой стати тот офицер — а им, как выяснилось, был сам помощник генерала Лю — собственноручно вписал его туда прямо на месте?

— Сюй Ци...

Тот уже перекинул одеяло через толстую ветку и вовсю колотил по нему деревянным шестом, со свистом выбивая пыль и лесных гадов.

— Чего тебе?

— Кто мог подкинуть эту дрянь? — Мао Сяофэй понимал, что сосед вряд ли назовёт имя, но молчать было невыносимо.

— Без понятия. Мы пришли — они уже ползали.

Когда с чисткой было покончено, Мао Сяофэй послушно поплёлся следом за ним обратно. На полпути он несмело дёрнул Сюй Ци за рукав.

— Говорю же, не знаю я, — со вздохом обернулся тот.

— Нет, я про другое... — Сяофэй выудил из-за пазухи злополучную деревяшку. — Когда ты на службу шёл, тебе давали какой-нибудь жетон?

Сюй Ци взял плашку, провёл пальцами по резным краям и покачал головой:

— Друг мой, пушечному мясу на передовой такие почести не положены. Мы тут все нищие. Издохнем в канаве — даже имён наших никто не вспомнит.

Он посмотрел на него с новым, странным выражением.

Той ночью сон к Мао Сяофэю так и не пришёл. Чувство, что его крупно надули, крепло с каждым часом. Похоже, решение занять место своего спасителя в армии с самого начала пахло ловушкой, а уж этот помощник генерала Лю точно вёл какую-то свою игру. Боясь снова проспать и огрести люлей, он ворочался с боку на бок, то и дело просыпаясь в холодном поту.

Едва на рассвете заворочался Сюй Цю, Мао Сяофэй тут же распахнул глаза.

Толстяк, убирая руку от плеча Сюй Ци, неловко замер:

— О, уже не спишь?

— Пора вставать?

Сяофэй мигом вскочил, растрепал спящего Сюй Ци, и они втроём побежали умываться. Ледяная вода, казалось, вот-вот подёрнется коркой льда, зато после первого же ушата в лицо вся сонливость испарилась без следа.

При виде Мао Сяофэя на утреннем построении помощник генерала Лю на мгновение замешкался. Он бросил быстрый, многозначительный взгляд на Сюй Цю, а тот испуганно втянул голову в плечи. Мао Сяофэй, который со вчерашнего дня не спускал с него глаз, сразу засёк эту немую сцену.

«Ага, попался, голубчик»

Парень был далеко не глуп и во время тренировки начал пристально следить за каждым движением толстяка.

На обед выдали пресную варёную капусту и чёрствые ячменные пампушки. Мао Сяофэй давился каждым куском, нутужно сглатывая сухую массу.

«Тьфу, подошва! Попадись мне этот пекарь, я бы показал ему, как нормальное тесто ставить. А это не еда, а грязь сушёная»

После скудного обеда все завалились спать. Однако Сюй Цю в палатке не оказалось. Мао Сяофэй осмотрелся — солдаты уже вовсю храпели. Он приподнялся, но крепкие пальцы мёртвой хваткой вцепились в его обшлаг. Сюй Ци и не думал спать; он смотрел на него предостерегающе, качая головой.

Мао Сяофэй аккуратно, но настойчиво высвободил руку и решительно поднялся. Стараясь не шуметь, он протиснулся сквозь частокол раскинутых тел спящих товарищей и выскользнул наружу.

Подойдя ближе к штабной палатке Лю Чжэнмина, он перешёл на крадущийся шаг.

В полуденный час в лагере стояла сонная тишина. В мирное время жизнь рядового состава не отличалась разнообразием: утренний развод, обед, тихий час, вечерняя муштра. Изредка по ночам некоторые отряды куда-то уводили, и возвращались они лишь к рассвету. Чем они там занимались, Мао Сяофэй не знал — до его взвода очередь ещё не дошла.

Как говаривали старейшины, чин повыше — что гора покруче, раздавит и не заметит. Помощник генерала командовал двумя полками, и если этот человек действительно затеял недоброе, Мао Сяофэй понимал: против такого лома у него нет приёма.

Вдруг плотная пола палатки колыхнулась.

Мао Сяофэй гибкой тенью нырнул за ближайший ящик.

— Будешь отлынивать — останешься без жратвы! — раздался резкий, хриловатый голос офицера. — Тоже мне, вояка выискался. О матери своей подумай, дурень!

Из палатки, повесив голову, уныло поплёлся Сюй Цю. Мао Сяофэй выждал, пока полог закроется, и бесшумным шагом устремился за толстяком. Сюй Цю был деталью приметной — верзила под два метра ростом и косою саженью в плечах; когда этот увалень бежал утром на плацу, под его ногами буквально содрогалась земля.

— Сюй Цю! — негромко окликнул его Мао Сяофэй.

Тот явно не ожидал погони. Не успев даже обернуться, толстяк испуганно вздрогнул и со страху плюхнулся прямо на корточки.

Испугавшись, что этот дурень сейчас поднимет вой на весь лагерь, Мао Сяофэй молниеносно зажал ему рот ладонью и, напряжив все силы, оттащил упирающуюся тушу за бревенчатый сарай с сеном.

Толстяк тяжело, со свистом задышал.

— Ты чего творишь? — прошипел Мао Сяофэй, убирая руку. — Хочешь, чтобы нас тут обоих порешили?

— Я... я не хотел, честное слово, — разрыдался Сюй Цю, утирая нос рукавом. — Это всё помощник генерала Лю! Он обещал мне по лишней пареной пампушке в день давать...

Мао Сяофэй аж поперхнулся. Допрос ещё толком не начался, а этот простофиля уже сдал своего нанимателя с потрохами. Парень в сердцах ткнул пальцем в затылок толстяка, так что

тот едва не приложился лбом о стену:

— Да уж, попади ты в плен к врагам — и пиши пропало, всю армию сдашь за миску похлёбки! Какая там к чёрту военная стратегия, какие тридцать шесть стратагем? Твоя глупость похлеще любого оружия будет!

Суй Цю посмотрел на него заплаканными глазами, явно не поняв и половины сказанного.

— Ну и что этот хрен велел тебе сделать на этот раз? — Мао Сяофэй легонько пнул его по жирной ноге. — Давай, вставай, не рассиживайся. Если застукают — пиши пропало. За шатание по лагерю во время тихого часа нам обоим по десятку горячих пропишут!

Толстяку-то с его жировым запасом хоть бы хны, а вот хрупкому Мао Сяофэю подставлять спину под палки никак не улыбалось.

— Он сказал... сказал, чтобы я тебя утром не будил и на построение не звал, — шмыгнул носом Суй Цю, послушно поднимаясь. — А сегодня ночью наш полк уходит на учения. Помощник генерала Лю велел мне подсыпать вот это в твою флягу.

Толстяк разжал кулак, на ладони лежал измятый бумажный сверток. Мао Сяофэй выхватил его, развернул, принялся и едва не задохнулся от ярости.

Обычный усыпляющий порошок, каким пользуются привокзальные воры да дешёвые разбойники!

— Какая дешёвка... — прошипел Мао Сяофэй. — Офицер великой армии, а пользуется методами притонной швали! Ну и сброд у вас в Цинси. Неудивительно, что бойцы из Шанци раскатали вас в пух и прах и взяли четыре города кряду!

То была прошлогодняя история. Шанци пошла на мировую и предложила династический брак лишь после того, как потерпела четыре крупных поражения на поле боя. Однако с наступлением осени обеим сторонам требовалась передышка, да и другие три государства могли воспользоваться моментом и ударить в спину. Так и возник этот хрупкий «джентльменский» пакт о ненападении.

Суй Цю с раскрытым ртом наблюдал, как Мао Сяофэй безжалостно высыпал порошок на землю и порвал бумажку в клочья. Он жалобно сморщился.

Мао Сяофэй среагировал мгновенно — опять зажал толстяку рот и свирепо прошептал:

— Цыц! Будешь выть — я соберу это зелье прямо с грязью и скормлю тебе, понял?!

Сюй Цю густо покраснел и отчаянно закивал.

— Сделай вид, будто ничего не произошло. А сегодня ночью я на эти учения не пойду. Усёк? —
Мао Сяофэй прищурился, заглядывая толстяку прямо в глаза.

Тот послушно закивал головой.

Мао Сяофэй отпустил его и, чтобы не вызывать подозрений, пошёл в обход. Вернувшись в казарму, он застал бодрствующего Сюй Ци. Стоило ему опуститься на нары, как сосед придвинулся ближе и одними губами спросил:

— Ну что там? Кто тебя прессует?

Мао Сяофэй смерил его подозрительным взглядом, отвернулся к стене и промолчал.

К его облегчению, Сюй Ци оказался на редкость понятливым парнем и приставать с расспросами не стал. Предстоящая ночь должна была решить всё: останется ли он здесь терпеть издевательства и козни или же сбежит под покровом темноты навстречу бродячей свободе.

Вот только в своих наполеоновских планах Мао Сяофэй упустил одну крошечную, но фатальную деталь — он катастрофически переоценил своё и без того плачевное чувство направления.

<http://bllate.org/book/18429/1768328>